

Армин Молер

ФАШИЗМ КАК СТИЛЬ

МОЛЕР Армин. ФАШИЗМ КАК СТИЛЬ. Перевод с немецкого А. Барсукова. – Новгород: «Толерантность», 2007. – 56 с., илл.

Выдающийся немецкий социолог Армин Молер (1920-2003) в своем знаменитом эссе «Фашизм как стиль» (1973) исследует проблему типологии фашизма и правого тоталитаризма в целом. Он указывает на однобокость и примитивизм как марксистских, так и либеральных подходов к этим явлениям политической жизни Европы. Общим признаком фашистских режимов Молер называет специфический стиль, определяющий теорию и практику «чумы XX века».

© Барсуков А.Н., перевод с немецкого, 2006. © «ТОЛЕРАНТНОСТЬ», 2007.

АРМИН МОЛЕР И ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ФАШИЗМА

(Предисловие к русскому изданию)

Проблема типологии фашизма является для объективного историка своеобразным «камнем преткновения». В самом деле, как можно привести к единому знаменателю (либо, напротив, дифференцировать) весь тот хаос идей, мнений, практических решений, под которые подводится термин «фашизм» и, шире, тоталитаризм? Путаница возникнет даже при попытке классифицировать и охарактеризовать собственно итальянский фашизм. А если добросовестный исследователь возьмется вычленивать некие

общие места в немецком национал-социализме, румынском гвардизме, бельгийском рексизме и проч., он, скорее всего, просто зайдет в тупик!

Есть, разумеется, «простой путь», который избирают марксисты и их последователи: походя объявить фашизм «последней стадией развития капитализма». Однако убогость такого «определения» сегодня совершенно очевидна. Коммунистам было вполне достаточно обвинить абсолютно все «антиреволюционные» движения и режимы в фашизме; проблемами же типологии и дифференциации они при этом практически не занимались (1). Либеральные исследователи также не продвинулись дальше ходульных дефиниций и банальных рассуждений. Большинство из этих людей были бы, несомненно, крайне удивлены, что в экономическом смысле и нацизм, и фашизм были самыми что ни на есть либеральными режимами, вплоть до начала мировой войны (крупная частная собственность не ликвидировалась, плановая экономика была лишь частичной). В этом смысле можно указать на фигуру Вильфредо Парето, итальянского социолога, который приветствовал фашизм как единственную возможную защиту здорового денежного обращения, общественной неподкупности, дисциплины рынка и персональной ответственности (2).

Либералы, как правило, объединяют фашизм и коммунизм под общим понятием тоталитаризма. Но такой метод крайне порочен. То, что подразумевается в современной политологической науке под термином тоталитаризм, возможно, имеет отношение к коммунизму и его ответвлениям (сталинизм, маоизм, левацкие режимы черной Африки, полпотовская Кампучия и т.д.), однако мало применимо к европейским режимам первой половины XX века, относимых к «фашистским». Действительно, ни фашизму, ни национал-социализму так и не удалось ликвидировать идеологическое инакомыслие даже в рядах правящих партий (не говоря уже о государственных институтах и обществе в целом), а ведь это является главным признаком тоталитаризма. Никакого «тотального контроля» над личностью в этих государствах не существовало (3). Показательным является тот факт, что в гитлеровском государстве армия была отделена от партии (военнослужащим запрещалось вступать в НСДАП), что было совершенно немыслимо, скажем, в Советском Союзе.

Аппарат политологии позволяет отнести эти режимы к авторитаризму. Авторитаризм не вмешивается в сферы, которые не связаны непосредственно с политикой, не разрушает механизмы рыночного самоуправления, его идеологическая база может быть довольно «размытой», он пользуется поддержкой традиционных сил порядка – армии, бюрократии, церкви (4). Все это, несомненно, было присуще фашизму и национал-социализму.

Справедливости ради надо отметить, что слово «тоталитаризм» было впервые «изобретено» Муссолини (в 1925 году он употребил его для характеристики своего движения). Затем это понятие иногда использовалось и национал-социалистами, в частности консервативным мыслителем Карлом Шмидтом. В 1943 году министром пропаганды Германии Йозефом Геббельсом была провозглашена «тотальная война». Однако, отрешившись от эмоций, необходимо признать, что в этих случаях слова «тоталитаризм», «тотальный» были всего лишь фигурами речи, и ни в коей мере не отражали действительного положения дел в Италии и Германии.

Все эти краткие замечания не оспаривают многочисленных исключений, допущений и практик, которые бесконечно осложняют задачу определения фашизма, его производных и ответвлений. Так где же искать ту основу, которая все же позволит определить некое внутреннее родство указанных режимов? Ответ на этот вопрос дал Армин Молер, немецкий социолог, предложивший совершенно оригинальный подход к типологии фашизма.

Надо отметить, что Молер был в свое время непосредственным очевидцем печально знаменитых европейских событий, и даже их участником. Поэтому его взгляд на проблему – это не просто взгляд вдумчивого ученого. Будучи видным представителем консервативного движения, Молер сумел подойти к проблеме с неожиданной стороны...

Армин Молер родился 12 апреля 1920 года в швейцарском Базеле. Он изучал германистику, историю искусств и философию, увлекался идеями Ницше и Юнгера. В 1941 году Молер нелегально перешел границу, чтобы вступить в Войска СС и сражаться с большевизмом. По ряду причин, ему это не удалось, однако на Родине он все равно «удостоился» тюремного заключения. С конца 1940-х годов Молер стал секретарем Эрнста Юнгера, которого он одно время считал способным возглавить консервативное националистическое движение в Германии. Однако категорический отказ Юнгера от какого бы то ни было участия в политической деятельности привел к разрыву между двумя мыслителями. В 1949 году Молер защитил диссертацию на тему «Консервативная революция в Германии 1918-1932», а через несколько лет уехал в Париж, где был корреспондентом ряда немецких и швейцарских газет. С 1964 по 1985 гг. Молер возглавлял фонд Карла-Фридриха фон Сименса в Мюнхене.

Все это время Молер не порывал с «реальной политикой», пытаясь воздействовать на руководителей баварской ХСС (в частности, канцлер» ФРГ Йозефа Штрауса). Молер выступал от лица европейских консерваторов, и полагал, что Европа должна решительно избавиться от назойливой опеки заокеанского «союзника» – США. Скончался ученый 4 июля 2003 года (5).

Предлагаемая здесь работа немецкого социолога была опубликована в 1973 году. Но за десятки лет она не только не устарела, но стала даже еще более актуальной, в том числе и для России.

Молер всегда выступил противником коммунистической тезы о несовместимости фашизма и революции. Левацкие исследователи всегда рисовали фашизм как крайне реакционное движение, идущего на поводу крупного капитализма. Для Молера и консервативных революционеров фашизм – всегда революционен. Критерием этой революционности служит стиль, жест, поведение. Исследователь указывает на то, что слово «фашизм» в Третьем Рейхе было ругательством, адресованным «отступникам», таким как Отто Штрассер (лидер оппозиционного Гитлеру национал-большевистского «Черного фронта»), Готфрид Бенн (поэт-экспрессионист, исключенный из Имперской палаты писателей) и Эрнст Юнгер (консервативно-революционный писатель и мыслитель, ушедший «во внутреннюю эмиграцию»). Но дело, конечно, вовсе не в том, что эти фигуры отошли от ортодоксального национал-социализма, а в том, что они были «фашистами» по своему мироощущению и стилю.

По мнению Молера, «фашисты легко смиряются с теоретическими несоответствиями, ибо восприятия они добиваются за счет самого стиля». Этот специфический стиль всегда предшествует и теории, и практике фашизма. Более того, он становится некой самоцелью и самоценностью (Готфрид Бенн провозглашал: «Стиль выше истины!»). Молер приводит в своей работе целый ряд характерных примеров. Так, он указывает на появление в ходе войны типа, противоположного «немцу из книжки»; «бравые парни, весьма своеобразно экипированные... отдают воинское приветствие начальнику только в том случае, если он им знаком или же им нравится его «морда». Они по-своему реагируют на официальную пропаганду: ухмыляются или зевают. Но они тоже воюют, хотя (или потому что) дело идет к концу... Для них это уже не крестовый поход, а нечто другое. Они не проникнуты идеологическим мессианством». Тут же ученый упоминает о двух подростках из «Гитлерюгенда», взятых в плен в тот

момент, когда они самозабвенно боролись друг с другом за право выстрелить из фаустпатрона по приближающемуся вражескому танку. Такое «поведение» Молер и определяет, как «фашистское». Разумеется, ничего подобного в Рабоче-крестьянской Красной Армии не было и быть не могло (попробовал бы кто-то из советских солдат ухмыльнуться в ответ на пропагандистские призывы политрука!).

Молер практически не останавливается на анализе «тоталитарной эстетики». Между тем, многие исследователи пытались провести параллели между тяготеющим к классицизму изобразительным искусством Третьего Рейха и «соцреализмом», улавливали сходство в практике организации массовых мероприятий, идеологических праздников и т.п. Однако это лишь кажущиеся аллюзии. На самом деле, все эти большегрудые доярки и девушки с веслом, украшающие парки и скверы «государства рабочих и крестьян» были в лучшем случае всего лишь жалкой, убогой пародией на национал-социалистический неоклассицизм. Невозможно сравнить и «наглядную иллюстрацию советского рая» – комплекс ВДНХ с аналогичными сооружениями в Рейхе. Большевицкая «выставка достижений» по своему стилю вызывает ассоциации с какой-то мрачной восточной деспотией: то ли столицей Золотой Орды, то ли с Вавилоном, но, в любом случае, никак не с античными образцами, к которым тяготели фашистские и нацистские архитекторы и художники (все это относится и к сталинскому метро). Первомайские манифестации на Красной площади также, в общем-то, не идут ни в какое сравнение с Нюрнбергскими «партайтагами»: ни по размаху, ни по эстетике, ни по восприятию.

В любом случае, методика Молера вполне оправдана. Стиль – единственное, что роднит столь разные по теории и практике «фашистские» режимы Европы. Разумеется, сегодня, в силу определенной конъюнктуры, совсем не принято исследовать фашизм с подобных позиций. В моде ныне рассказы о жарких печах Освенцима и вообще террористической практике «фашизма». Однако изучение одного лишь негативного аспекта правого тоталитаризма может быть полезно для пропагандиста. Но для исследователя, старающегося объективно взглянуть на предшествующую эпоху, такой односторонний подход является порочным.

Дмитрий Соколов

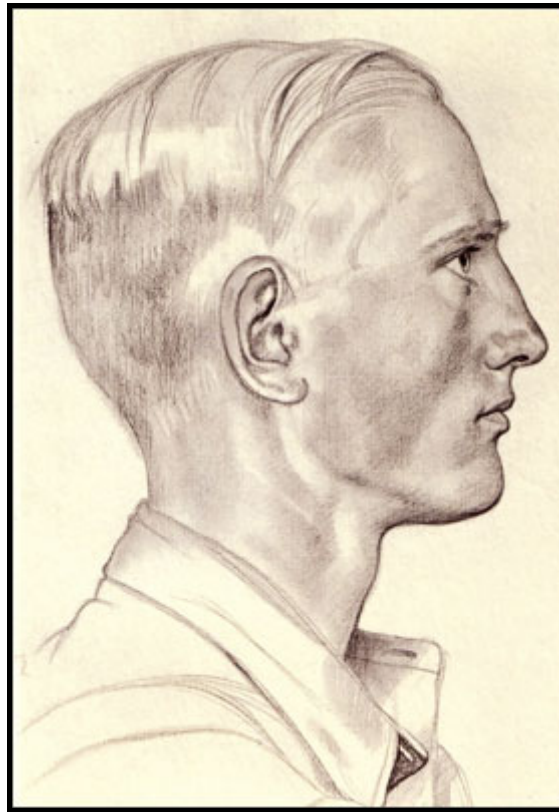
ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922-1982. – Новосибирск, 2000. – сс. 12-19.
2. См. Троицкий Е. Вильфредо Парето и критика либерального государства / Реванш. – 2005. – № 4. – с. 61.
3. Не имея возможности останавливаться здесь на доказательстве этого тезиса, отошлем интересующегося читателя к монографиям Мартина Бросцата, представителя исторической школы функционализма, который в своих работах убедительно доказал, что Третий Рейх был государством компетенций, соперничающих друг с другом, причем ни одна из этих компетенций так и не одержала вверх. На русском языке см.: Броскат М. Тысячелетний Рейх. Триумф НСДАП и рождение Империи. – М., 2004. – 352 с.

4. См., например: Коновалова А.А., Синькевич М.П. Политические системы. Политические режимы / Политология. – Минск, 2003. – сс. 118-119.

5. Факты биографии А. Молера см.: Памяти Армина Молера / Атений. – 2005. – № 5. –с. 56.

ФАШИЗМ КАК СТИЛЬ

ЯЗЫКОВАЯ НЕРАЗБЕРИХА

Традиционно фашизм относят к консерватизму, или, во всяком случае, к правому лагерю. Сами консерваторы, атакуемые со всех сторон, не раз пытались упрекнуть фашизм и национал-социализм в «левизне». Как после 1936, так и после 1945 гг., они пытались «посадить» на левые корни и поселить на политическом ландшафте левых то, что другие называют правым тоталитаризмом. Это подкреплялось логическими, аргументами и тем обстоятельством, что, в первую очередь, после Первой мировой войны, политические полюса подковообразно сгибались навстречу друг другу. В силовом поле между двумя краями этой подковы, то есть, между правыми и левыми радикалами, действительно наблюдается кое-какое обоюдное движение, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что оно охватывает лишь одиночек и разрозненные группы, а также сферу идеологии. Граница между правым и левым массовыми движениями всегда обозначалась потоками крови. Очень многие консерваторы самим фактом гибели своих соратников или многолетнего их заточения как бы дистанцировались от правого тоталитаризма. Однако эта граница не имеет такого

значения, как другая, более очевидная. Этим и следует руководствоваться в историографии.

В современной исторической науке нет другого феномена, контуры которого были бы столь же расплывчатыми, как контуры фашизма. Само это понятие уже не заключает в себе нечто определенное. Каждый употребляет его всякий раз для обозначения чего-нибудь другого, и оно уже не действует. Ярлыки типа «фашизм», «фашист», «фашистский» пытаются навесить, на различные лица, организации, ситуации, в результате чего сами эти слова утрачивают свое конкретное значение. В современном обществе, где любого, занимающегося политикой, могут обозвать фашистом, это слово уже почти ничего не значит. Это относится и к таким определениям как «неофашистский» и «профашистский», а также к особо почитаемому в Западной Германии термину «клерикальный фашизм». Все они ни в коем случае не ограничивают само явление, имеют обобщенную и потому «размытую» тенденцию, как и ключевые понятия.

К этому следует добавить, что сегодня уже никто сам себя фашистом не называет. Исключение составляют разве что отдельные статисты-фанатики. Само это слово используется для выражения недовольства, причем почти по любому поводу. Именно таким образом содержание политических понятий выветривается, и они отмирают. Совсем не случайно само исследование довольно широкого сектора теорий фашизма, их классификация и исторический анализ стали самостоятельной областью современных идеологических изысканий.

ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИЙ ФИЗИОГНОМИКИ

Кто хочет вернуть понятию «фашизм» его осязаемое содержание, может пойти простым путем и отнести этот термин к итальянскому движению, которое его, собственно, и породило, и возникшему в результате этого государству. Но всякий, кто не лишен некоторого чутья в области физиогномики, не будет чувствовать себя приватно в рамках такого ограничения. Он скоро заметит, что само собой напрашивается расширение этого понятия за пределы Италии. Сначала он примет к сведению родственные фашизму явления в районе Средиземноморья (например, испанскую «Фалангу»). Затем ему на ум придут попадающие под это понятие имена: Хосе Антонио Примо де Ривера в Испании (1), Леон Дегрель в Бельгии (2), Освальд Мосли в Англии (3). Содержательны будут и некоторые колебания. Причислить ли сюда еще и Жака Дорио во Франции (4), который заметно сохранил стиль массового коммунистического движения, из которого он пришел? Считать ли фашистом румына Корнелиу Кодряну (5), «Железная Гвардия» которого уходила своими корнями в крестьянство и была сильно подвержена православию? За этими политиками просматривается целая плеяда писателей, которые создавали соответствующую литературу. Очевидно, существовал такой эпохальный феномен как фашизм, который между 1919 и 1945 гг. встречался в различных странах и сильно отличался от того, что подразумевается под этим понятием после 1945 г.

Такое пристегивание понятия «фашизм» к определенной эпохе в истории пересекается со своеобразной теорией фашизма Эрнста Нольте, хотя все еще не прекращаются попытки (больше в ходе полемики, а не в научных трудах) доказать существование фашизма после 1945 г. Результаты физиогномики, напротив, значительно удалены от попыток Нольте называть то, что он считает фашизмом, общим стилем эпохи между двумя мировыми войнами. Фашизм нам представляется образом действия, стилем, которые пересекаются с другими образами действия на данном этапе и только вкуче с ними составляет стиль времени. В отличие от Нольте (и осо-

бенно от левацких теорий происхождения фашизма), мы не распространяем понятие «фашизм» на те государства и политические движения, которые в свое время насильственно отмежевались как от либерального общества, так и от левого радикализма. Фашизм являлся там лишь частью от целого и был представлен сильнее или слабее в зависимости от страны и ситуации.

В любом случае, на провал обречены все попытки понять суть фашизма, основывающиеся на теоретических высказываниях его глашатаев, или, что не одно и то же, сводящие его к голой теории, так же, впрочем, как и попытки ограничить его определенными социальными слоями. В этой сфере политики отношение к понятию является инструментальным, косвенным, задним числом изменяющимся. Ему предшествует жест, ритм, а короче – «стиль». Этот стиль может выражаться и в словах. Фашизм не безмолвен. Скорее, наоборот. Он любит слова, но они у него служат не для того, чтобы обеспечить логическую взаимосвязь. Их функция скорее заключается в том, чтобы задать определенный тон, создать нужный климат, вызвать соответствующие ассоциации. По сравнению с левыми и либералами путь к пониманию здесь ищется с оглядкой и находится с трудом. Поэтому и результаты могут быть какими угодно. Мы покажем это на примере цитат из фашистских текстов. Это кажется парадоксальным, но бьет в десятку.

В общем, следует сказать, что фашисты, похоже, легко смиряются с теоретическими несоответствиями, ибо восприятия они добиваются за счет самого стиля. Нольте попытался выявить на основании стиля логическую последовательность для таких разных явлений как «Французское действие» Шарля Морраса (6) и Леона Доде (7), фашизм Бенито Муссолини и национал-социализм Адольфа Гитлера. Подобное может случиться лишь с ученым-философом. Исторический такт предполагает рассмотрение темы с позиций физиогномики, что приносит менее наглядные результаты.

БЕНН И МАРИНЕТТИ

Наш анализ с позиций физиогномики не охватывает сразу несколько политических явлений. Для этого необходимо более объемное исследование. Наши усилия в рамках ограниченных возможностей данной публикации направлены на выявление особенностей фашистского чувства стиля, выраженного в словах. Ведь речь здесь идет о том, что представлялось парадигмой уже для современников. Теоретик футуризма Филиппо Томмазо Маринетти (8) уже в ранге высокого государственного сановника весной 1934 г. посещает гитлеровскую Германию. Он является рупором не только модного направления в искусстве, но и итальянского фашизма. Поэтому его принимают в Берлине со всеми почестями. Однако при этом бросается в глаза некоторая отчужденность и неуверенность по отношению к гостю с юга. Немецкий Рейх еще не совсем вырос из одежд младшего партнера Муссолини. Похоже, лишь один человек принимает итальянского писателя и оратора на равных: Готфрид Бенн (9), который приветствует гостя на организованном в его честь «Национальной палатой писателей» банкете в качестве его вице-президента. Бенн замещает находящегося за границей президента Ханса Йоста (10), который, как и Бенн, «родом» из экспрессионизма, но лучше вписывается в культуру национал-социализма благодаря своей брутальности и фольклорной основе творчества (в том же году Бенн вернется к исполнению обязанностей военного врача). По речи Бенна видно, что он говорит, как дышит. Это не стоит ему никаких усилий.

Любопытно, что Бенн апеллирует при этом не к объединяющему их мировоззрению или общности идей. Задачей Германии и Италии, по Бенну, скорее является «работа над холодным и лишенным театральности стилем, в который вращается Европа». Бен-

ну нравится в футуризме то, что тот переступил через «ограниченную психологию натурализма, прорвал прогнивший массив буржуазного романа и, благодаря сверкающей и стремительной строфике своих гимнов, вернулся к основному закону искусства: творчеству и стилю». Положительных оценок удостоивается значительная часть фашистского восприятия: холодный стиль, стремительность, блеск, великолепие.

Обращаясь к своему гостю, Бенн стремится к определенной динамике, ритму. «В эпоху притупившихся, трусливых и перегруженных инстинктов вы основали искусство, которое отражает пламя битв и порыв героя... Вы призываете «полюбить опасность» и «привыкнуть к отваге», требуете «мужества», «бесстрашия», «бунта», «точки атаки», «стремительного шага», «смертельного прыжка». Все это вы называете «прекрасными идеями, за которые умирают». С помощью этих ключевых слов, взятых из творений Маринетти, Бенн озвучивает то общее, что родилось из войны. Война здесь, однако, не истолковывается в национал-социалистическом духе, как освободительная война окруженного народа. Имеется в виду борьба как таковая. Не имеет значения, что гость стоял тогда по другую сторону баррикад. Даже наоборот, такая война создает своего рода братство среди противоборствующих сторон, для каждой из которых противник даже ближе, чем бюргеры и обыватели в собственном лагере.

Бенн говорит также и о «трех основополагающих ценностях фашизма». Сюда не относятся какие-либо общие идеи или этические императивы. Бенн удивляет, но верен себе, говоря о трех формах: «черной рубашке, символизирующей ужас и смерть», боевом кличе «A poi» и боевом гимне «Giovinezza». То, что он имеет в виду не только итальянскую специфику, самоочевидно, поскольку уже в следующем предложении он переходит на «мы». «Мы здесь... несем в себе европейские настроения и европейские формы...». Бенн делает акцент на футуризме, на том, что устремлено в будущее, когда он, отмечая «ничего не значащие общие фразы эпигонов», указывает на «суровость творческой жизни», на «строгость, решительность, вооруженность духа, творящего свои миры, для которого искусство являет собой окончательное моральное решение, нацеленное против природы, хаоса, откатывания назад и т. п.».

ПРОТИВ СОВРЕМЕННОСТИ

Словам Бенна о «вооруженности духа, творящего свои миры» в посвященной Маринетти речи отводится особое место. Отождествление искусства (а в широком смысле и стиля) с «моральным решением» подчиняет мораль стилю. Стиль господствует над убеждениями, форма над идеей. Это нечто такое, что должно восприниматься как вызов, даже как провокация всяким, кто «родом» из просвещения. Речь здесь идет о чем-то более обостренном, чем конфликт между этикой убеждений и этикой ответственности, в который обычно втягиваются левые в своей полемике с правыми. Причины такого конфликта, по крайней мере, самоочевидны. Сталкиваясь же с фашистами, левые вступают в конфронтацию с чем-то совершенно непонятным, полагая, что наталкиваются «лишь на эстетические категории и более ни на что». Не следует забывать, что слово «эстетика» образовано от греческого глагола *aisthanestai*, что соответствует глаголам «воспринимать», «рассматривать». Эстетическое поведение изначально предполагает отказ от подхода к действительности, руководствующегося абстракциями, некой «системой».

Неправильное толкование понятия «эстетический» не единственное недоразумение. Описанная выше позиция возвращает к декадансу конца прошлого – начала нынешнего века (и еще дальше к несентиментальным направлениям Первой романтики). Но

к этому декадансу не следует относиться упрощенно. Он означает не только распад, нервозность, тихое загнивание, но одновременно и переход, даже поворот к более жесткому, более грубому. Известный критик декаданса Ницше еще в начале «Ессе homo» говорил о его «двойственном происхождении: от самой низшей и от самой высшей ступени на лестнице жизни – одновременно, и декаданс, и начало». Кто проследживает духовные корни фашизма, рано или поздно натолкнется на одну из самых заметных фигур этого «декаданса» – Мориса Барреса (11), писателя и депутата, который начинал свою жизнь как денди, а закончил в ипостаси некоего политического символа. В его трудах и его поведении уже присутствуют образцы фашизма. На его могучем фоне его ученики Ля Рошель (12) и Бразильяк (13) кажутся лишь слабыми копиями.

«Эстетство» и «декаданс» являются лишь отдельными симптомами процесса, охватившего в два последних столетия весь западный мир. Продолжая средневековый спор между универсалистами и номиналистами, его можно было бы назвать номиналистическим поворотом нового времени. Это означает, что универсальные ключи из прошлого утеряны. Распались старые системы объяснения мира, которые давали ответ на любой вопрос. Чем больше отказываются от попыток объяснить мир, тем отчетливее на передний план выдвигается то особенное и частное, что приобретает черты формы на фоне бесформенного. В этом суть «решения Бенна, нацеленного против природы, хаоса, откатывания назад, бесформенного и т. п.». Оно всегда тесно связано с отказом от универсальной и ко всему подходящей морали. Категория «моральный» является единственной категорией, вырванной из хаоса. Проще говоря, можно сказать, что речь здесь идет о преодолении идеализма с помощью экзистенциализма. Последний не просто представляет некоторые философские школы, а является процессом, который получил свое развитие в период между мировыми войнами, охватывает все сферы жизни и еще не завершился. Мы упомянули об этом для того, чтобы показать на каком духовно-историческом фоне нам видится все вышесказанное.

ТРЕТИЙ РЕЙХ – ПОДОЗРЕНИЕ В ФАШИЗМЕ

На обозначенном фоне четко выступают лейтмотивы речи Бенна, посвященной Маринетти. «Строгий стиль» – это форма, вырванная из хаоса бесформенного. Это стиль, который живет напряжением футуристической юности и черной смерти, по необходимости включает в себя антибуржуазный аффект, делает акцент на энергии и инстинкте. Типичным является и то, что в нем почти полностью отсутствует все то, что особо выделялось тогда, в 1934 г.: традиция, простодушие, народность, морализаторство, культ здорового образа жизни, национальное и социальное, родная почва и раса (когда Бенн в те годы говорит об отборе и воспитании, это лежит по ту сторону расовой гигиены). Граница очерчена довольно строго.

Однако, это не та граница, что отделяет законопослушного гражданина от оппозиционера. В то время Готтфрид Бенн ещё отождествляет себя с Третьим Рейхом, от имени которого он и говорит гостю из Италии: «Форма... во имя и ради нее было завоевано все то, что вы видите в новой Германии; форма и отбор – два символа нового Рейха... отбор и стиль в государстве и искусстве как основа императивного мировоззрения, которое утверждается. Будущее, которое нас ожидает – это государство и искусство...» (то, что вместо «народа» названо «государство», отнюдь не случайно). «Политическое как эстетическая мощь», этой теме посвящен сборник работ учеников Бенна, вышедший спустя год после адресованной Маринетти речи в издательстве творческой палаты.

Однако, отождествление Бенна с Третьим Рейхом не было должным образом воспринято. Вскоре после этого он уходит (точнее, его выдворяют) во «внутреннюю эмиграцию». Его выбор 1933-34 гг. будет позже истолкован как его приверженцами, так и большинством критиков, как несчастный случай, мимолетная слабость характера. Так как в германских пределах затягивающаяся петля четко обозначилась лишь позднее (после 1934 г.), не все осознали внутреннюю последовательность развития Бенна (от ранних новелл и стихотворений «Место казни» и «Четвертый период» до посвященной Маринетти речи). Способствовала этому и аргументация, при помощи которой Бенн после 1934 г. вытеснялся на периферию. Она была взята из «словаря выродившегося искусства». Она была направлена против экспрессионистских истоков Бенна, как будто экспрессионизм сам по себе уже является «левым» или «либеральным» течением в искусстве. Ругательные слова известны: «извращенная свинья», «дерьмовая мазня» и т. п. Однако тогда было непозволительно называть его тексты 1933-34 гг. фашистской ересью. Нельзя было сбросить со счетов итальянского союзника, с помощью которого стремились достичь свободы во внешней политике.

Что касается внутреннего потребления, следует отметить, что слово «фашист» пользовалось особой любовью у критиков в Рейхе. Именно так величали отступников ортодоксальные национал-социалисты. Для них слово имеет конкретный смысл. Существовало две формулы критики неудобных лиц, которых относили к левым, либералам или дремучим консерваторам. Более жестокая и граничащая с доносом в полицию называлась «черный фронт» (происходит от одноименного движения Отто Штрассера) и предназначалась для обозначения собственно национал-большевизма, а также вообще национал-революционеров и их разрозненных групп, действовавших на политическом ландшафте где-то между Эрнстом фон Саломоном, крестьянским вождем Клаусом Хаймом и бывшим молодежным лидером Артуром Марауном. Слово «фашизм» (и только для внутреннего потребления) использовалось более дифференцированно. Оно предназначалось для духовной дискриминации, а не для объявления кого-либо вне закона.

Во время войны автор часто сталкивался с тем, что ссылки на Эрнста Юнгера (14) со стороны партийцев сопровождались навешиванием ярлыка «фашист», что имело негативное звучание. Впрочем, четыре книги Юнгера, вышедшие в период между 1920-1925 гг. и посвященные Первой мировой войне, причислялись в Рейхе к национальной литературе. А все последующие произведения, в которых автор отошел от наивных фронтовиков-националистов, или вообще не замечались критиками и историками литературы Третьего Рейха, или находили весьма сдержанный прием. Это особенно относится к первому изданию «Авантюрного сердца» (1929), книге «Рабочий» (1932), эссе «Тотальная мобилизация» (1931) и «О боли» (1934). В немецкой истории духа им предназначалась такая же функция, как и упомянутым произведением Бенна 1933-34 гг. Они настолько точно и четко озвучивают определенную духовную позицию, определенный стиль, что национал-социализм, несмотря на внешнее сходство, инстинктивно ощущает в них нечто чуждое и упрекает автора в фашизме.

Эта отрицательная позиция в отношении и Бенна, и Юнгера нацелена против «холодности» и «выпячивания собственного «я». Для писателей такого типа совершенство формы важнее, чем служение народу, наслаждение доминирует над долгом. Жест им кажется существеннее приверженности, решительный противник ближе, чем рядовой соотечественник. За всем этим национал-социалистам видится новый аристократизм. Юнгер, который однажды сказал, что «в приличном обществе сегодня неловко печься о судьбе Германии» (его подозревают в том, что высказанное в 1929 г. мнение он не изменил и после 1933 г.), этот Юнгер слывет денди, как,

например, Габриэль д'Аннунцио (15) или Баррес (национал-социалисты упрекают его во всем том, что не относится к германскому).

МАГИЧЕСКИЙ НУЛЕВОЙ ПУНКТ

Готтфрид Бенн и Эрнст Юнгер принадлежат к одной и той же «духовной семье», но к разным ее ветвям. У Юнгера встречается кое-что такое, чего не найдешь у Бенна, который родился почти на десять лет позже. Бывают ситуации, при которых (за исключением индивидуального) разница в десять лет означает чуть ли не другое поколение. Исхоженный «авантюрным сердцем» мир напоминает ночную сторону залитого солнцем дорического мира Бенна.

В первой редакции «Авантюрного сердца», которую и днем с огнем не сыщешь, Эрнст Юнгер написал слова, которые навсегда запечатлелись в памяти у определенного и сравнительно малочисленного слоя людей: «В мире о нас ходит молва, что мы в состоянии разрушить храмы. И это уже кое-что значит во время, когда осознание бесплодности приводит к возникновению одного музея за другим... Мы славно потрудились на ниве нигилизма. Отказавшись от фигового листа сомнений, мы сравняли с землей XIX век (и самих себя!). Лишь в самом конце смутно обозначились лица и вещи XX-го... Мы, немцы, не дали Европе шанса проиграть». В этих часто цитируемых и зачастую поверхностно трактуемых словах проявляется «номиналистический» аффект: защита опустевших общих мест (фиговый листок сомнений), направленность против универсализма («Европа»).

То, что такое толкование не притянута за уши, подтверждает и другое место в той же книге, где Юнгер говорит о «последовательных попытках гуманности скорее увидеть человека в любом бушмене, чем в нас; отсюда наш страх (поскольку и насколько мы европейцы) перед самими собою, который нет-нет да и проявится. Прекрасно! И не надо нас жалеть. Ведь это превосходная позиция для работы. Снятие мерки с тайного, хранящегося в Париже эталона метра [читай: цивилизации] означает для нас до конца проиграть проигранную войну, означает последовательное доведение нигилистического действия до необходимого пункта. Мы уже давно маршируем по направлению к магическому нулевому пункту, переступить через который сможет лишь тот, кто обладает другими, невидимыми источниками силы». Было бы нелепо истолковывать эти слова в немецком национальном контексте. Немецкое здесь не являет собой противоположность «французскому» или, скажем, «английскому» (такой враждебности у Юнгера нигде не встретишь). Немецкое означает здесь просто отказ от признания этого эталона.

Желание сделать выводы из крушения западных ценностей можно было бы назвать экзистенциализмом. Но это довольно широкое понятие. То, как здесь описывается «фашизм», является своеобразной попыткой выбраться из краха общих мест и систем и вернуться к вопросам существования. Прежде всего, здесь не следует упускать из виду своеобразное взаимодействие разрушения и анархии, с одной стороны, и формы и стиля – с другой. В упомянутой книге Юнгер все время по-новому описывает эту полярность: «Мы возлагаем наши надежды на молодых, которые страдают от жара потому, что в их душах – зеленый гной отвращения. Мы видим, что носители этих душ, как больные, плетутся вдоль рядов кормушек. Мы возлагаем свои надежды на бунт против господства уюта, для чего требуется оружие разрушения, направленное против мира форм, чтобы жизненное пространство для новой иерархии было выметено подчистую» (в предложениях такого рода нет смысла придирается к отдельным словам, так как слово здесь не имеет того устойчивого значения, как при системном мышлении; Бенн, например, никогда бы не сказал об оружии разрушения,

направленном против мира форм; однако Юнгер, говоря о бунте и новой иерархии, пересекается с Бенном).

Эрнст Юнгер ушел добровольцем на Первую мировую, и феномен, который мы здесь пытаемся описать, немислим без тех молодых людей, которые по всей Европе тогда добровольно взялись за оружие, оставив школьные парты, сдав в спешке экзамены и скрыв свой истинный возраст. Если беспристрастно взглянуть на свидетельства того похода, едва ли можно натолкнуться на испытываемую к врагу ненависть. Она была заметна в тылу. За выдвинутой на передний план необходимостью защиты Отечества ощущается и нечто более неотложное: тоска по другой, неограниченной форме жизни. Конечно, она вскоре заглушается монотонностью окопной войны, вездесущей смертью. Но те, кто выжили, принесли с собой в оставшийся либеральный мир напряжение юности и смерти и уже не смогли этого забыть.

И в этой связи у Эрнста Юнгера можно встретить запечатлевающиеся в памяти формулировки. Данную проблему он четко высветил в конце первой редакции «Авантюрного сердца». С одной стороны, он заклинает «пылкие мечты, которые являются привилегией юности, гордую таинственную дичь, что перед восходом солнца выходит на просеки души». И он продолжает: «К самым опасным сомнениям человека в стадии становления, особенно в то время, когда подлость скрывается под маской высокой гуманности, относятся сомнения в реальности грез, в существовании той области, где действуют ценности более смелой жизни...». С другой стороны, «безвестные и без вести пропавшие напоминают» ему «о тайном братстве, о более высоком круге жизни, который сохраняется благодаря духовному хлебу жертвы». И Юнгер говорит о «воздухе огня, что необходим душе для дыхания... В часы, когда шевелятся внутренние крылья юности, пока ее взгляд скользит по крышам домов лавочников, юность должна смутно осознавать, что где-то в дальней дали, на границе неизведанного, на ничьей земле охраняется каждый сторожевой пост».

Текст, подобный этому, сегодня, почти полвека спустя, кажется чуждым не только из-за выбранных образов. Кое-кого он может и шокировать. Мы процитировали его, как и речь Бенна на банкете в честь Маринетти, потому, что это облегчает восприятие политических лозунгов того времени... Хотелось бы остановиться на двух ошибках, которые то и дело наблюдаются при толковании ранних политических трудов Эрнста Юнгера. Говорят, во-первых, о том, что это рассуждения одиночки высокого полета, что он пишет только для себя и нескольких других. Конечно, тогда мало кто мог так формулировать свои мысли. Нечто подобное можно встретить разве что у Ля Рошеля, Рене Квинтона, немного цветистее у Габриеля д'Аннунцио и некоторых других. Но эти авторы формулируют то, что инстинктивно чувствуют многие. Это касается и скрытого напряжения юности, и смерти во всех упомянутых текстах. Например, во время гражданской войны в Испании 1936-39 гг., которая одновременно стала апогеем европейского фашизма (в нашем понимании), на одной из противоборствующих сторон был слышен клич: «Да здравствует смерть!». По своей парадоксальности это, сведенное к формуле, одно и то же.

«ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ»

После подобных текстов обычно принято упоминать об Освенциме. Это и есть вторая ошибка в понимании Юнгера. После 1945 г. он испытал это на собственной шкуре. Однако смерть, которую подразумевает фашист, это, прежде всего его смерть, а также смерть достойного в его глазах противника. Кроме того, это еще и смерть как судьба, что обрушивается на каждого, и ее надо перенести. Это еще и кое-что другое. Очевидно, что здесь не имеется в виду уничтожение на промышленной основе

беззащитных людских масс, отобранных по абстрактным принципам. Такое предполагает веру в исключительное обладание истиной. И для этого необходима абстрактная идея общественного порядка, на основании которого по общим признакам люди делятся на хороших (подлежащих сохранению) и плохих (подлежащих уничтожению). Для этого также необходимо осознание особой миссии, что наделяет ее носителей судебной функцией, то есть функцией мщения и очищения.

Такое осознание у фашиста, мыслящего в категориях состязания, отсутствует. Он, скорее, стремится к пластическому выражению своего своеобразия. И он радуется, когда это удастся другому. Ему ненавистны дилетанты в собственном лагере, будь то «бюргеры», «обыватели», «лавочники» и т. п. Мало отношения имеет фашист и к тем общим принципам, по которым делят на черное и белое. Форма и бесформенное лежат для него совсем в другой плоскости, нежели хорошее и плохое. Не дуализм, а единство в многообразии для фашиста – нечто само собой разумеющееся (или наоборот). Действительность он может видеть только такой. Многообразие он представляет себе только расчлененным. Все сказанное не умаляет опасности фашизма. В этом отмеченном различными формами насилия столетии есть и особая фашистская форма насилия. Она проявляется, к примеру, в покушениях, путчах, в пресловутом марше на Рим, в карательных экспедициях против скопления врагов. Анонимная же ликвидация масс, что практиковалось большевизмом с начала гражданской войны и национал-социализмом в военной фазе, не встречается в режимах с сильным фашистским акцентом. Они не являются сторонниками нагнетания атмосферы страха, изнуряющего и заползающего во все щели, введения института комиссаров, специальных картотек, короче – анонимного террора. Так как фашизм имеет сильные корни в синдикализме, понятие «прямое действие» можно применить и в отношении его. Фашистская власть носит прямой, внезапный и демонстративный характер. Она призвана служить символом. Сюда относятся, к примеру, уже упомянутый «звездный марш» на Рим, водружение собственного знамени над вражеской ставкой или удержание любой ценой здания, ставшего символом, хотя с военной точки зрения это бессмысленно и стоит больших жертв (впрочем, значение подобных жертв как раз и заключается в их бессмысленности).

Событием, которое после марша на Рим 1922 г. представляется фашистам вторым по своему символическому значению, является защита замка Алькасар в Толедо с 21 июля по 27 сентября 1936 г. В этот день войскам Франко удалось прорвать извне кольцо «красных испанцев» вокруг крепости. Тот, кто сегодня посетит Алькасар и сохранившийся там после 1936 г. командный пункт, получит представление о том, что представляет собой фашистский миф. Об исторической сцене 23 июля 1936 г. напоминают телефонный аппарат античного стиля, пожелтевшие фотографии на стене и висящие там же версии телефонного разговора на всевозможных языках (включая арабский, японский и идиш).

В этот день (телефонная связь еще действовала) коменданту Алькасара полковнику Москардо позвонил командир осаждающих крепость красных отрядов. Он потребовал от Москардо сдачи Алькасара, пригрозив в случае отказа расстрелять находившегося в их руках его сына. Для подтверждения своих слов он передал последнему трубку. Состоялся следующий разговор. Сын: «Папа!» – Москардо: «Да, сын, в чем дело?» – Сын: «Они говорят, что расстреляют меня, если ты не сдашь крепость», – Москардо: «Тогда вручи свою душу Господу, крикни: «Да здравствует Испания!» и умри как патриот», – Сын: «Я обнимаю тебя, папа», – Москардо: «И я обнимаю тебя, сын». Заканчивая разговор, он говорит вновь взявшему трубку командиру красных: «Ваш срок ничего не значит. Алькасар не будет сдан». После этого он бросает трубку. И внизу, в городе, расстреливают его сына. Это типично фашистская сцена. Героями действия являются две отдельные, четко обозначенные

фигуры: полковник и его юный сын (а не подвергшееся военной угрозе население провинции). Все разыгрывается в «холодном стиле» и с приглушенными эмоциями. Каждый стремится сыграть свою роль (а не выполнить миссию). Все пронизано напряжением юности (сын, говорящий: «папа») и смерти (угроза расстрела). И все это происходит на фоне так мало знакомой туристам «черной Испании» с тусклой как дождь глиной, закрытыми лицами и, конечно же, смертью. Впрочем, этот своеобразный стиль не всегда бывает трагичным. У него есть и гротескная, комическая сторона. Габриэль д'Аннунцио в своей экстравагантной манере искажил фашистский стиль почти до карикатуры. В августе 1918 г. он сел в самолет, чтобы собственноручно опорожнить над зданием парламента в Вене ночной горшок... с капустой... Все это имеет своей целью символическое унижение и высмеивание врага.

О ПЛЮРАЛИЗМЕ В «ПРАВОМ ТОТАЛИТАРИЗМЕ»

Против нашего описания фашизма, точнее, фашистского стиля могут быть возражения различного толка. Радикалы скажут, что такой фашизм существовал разве что в нескольких книгах того времени. Он, самое большее, является лишь гранью правого тоталитаризма и неотделим от него. Критикам благоприятствует то обстоятельство, что рамки данного исследования весьма ограничены. Чтобы кратко описать фашистский стиль, мы процитировали двух немецких авторов, которые после первой фазы существования Рейха ушли во «внутреннюю эмиграцию». Вместо них мы могли бы процитировать, скажем, Анри де Монтерлана (16), Пьера Дрие Ля Рошеля или Робера Бразильяка. Тогда бы, правда, такие упреки посыпались бы еще сильнее: так как французский фашизм якобы воплотился в действительность лишь в вакууме немецкой оккупации.

Однако тот, кто согласен с тем, что литература является барометром политической погоды, может усомниться в правильности нашего определения термина «фашизм». Эта критика имеет свои нюансы. Она не будет отрицать существования такого фашизма как самостоятельной политической структуры. Но она увидит в нем лишь раннюю, романтическую стадию «правого тоталитаризма». Как только фашистское движение приходит к власти, для него начинаются тоталитарные будни (всесилие бюрократии, анонимный террор, исключительная доктрина и прочие симптомы). Существует и другая разновидность этой дифференцированной критики. Признается лишь частичное существование самостоятельной, фашистской структуры. Все ограничивается романским пространством. И для второй половины периода с 1919 по 1945 гг. ему вообще отводится место в стороне от ветров истории, в фольклорной ипостаси. С такой позиции фашизм представляется историческим предметом небольшого, локального значения, где-то на отшибе великой битвы между красным и коричневым тоталитаризмом.

Все эти доводы, по нашему разумению, искажают действительность. Общее для них одно: фашизм рассматривается почти исключительно с позиций Третьего Рейха и его крушения. Еще раз задним числом пытаются пересмотреть историю. Это приводит к неправильным пропорциям и неверным перспективам. При этом забывают, что господство национал-социализма как в нелевых, так и нелиберальных странах утвердилось довольно поздно. Если говорить о Третьем Рейхе, этот процесс принял характер необратимости после оккупации Франции в 1940 г. (тихоокеанский регион мы не рассматриваем).

Кроме того, в этих тезисах наблюдается монолитное представление о национал-социализме и Третьем Рейхе, которое, по крайней мере, в области исследований, уже стало давать трещины. Пока еще только в сфере властных отношений стали осо-

завать плюралистический характер Третьего Рейха, то, что в течение непродолжительного времени существования режима (12 лет по сравнению с 56-ю годами СССР) и из-за колебаний Гитлера Третий Рейх до конца оставался конгломератом противоборствующих силовых групп, ни одна из которых (в том числе и СС) не смогла окончательно взять верх. Здесь речь идет о плюрализме, который, если с ним искусно обращаться, дает определенную свободу действий.

Когда-нибудь признают плюралистический характер Третьего Рейха и в других областях. Это относится не только к доктрине, что хотя и бросается в глаза, но из-за ее чисто инструментального характера не столь существенно. Намного важнее то, что в полуинстинктивной сфере, из которой, собственно, и исходят непосредственные политические и исторические импульсы, Третий Рейх до конца оставался пугающе разномасштабным образованием.

ТРИ ВЕТВИ

Процесс распада и конечное состояние чрезвычайно интересны для историка. На глазах разваливается то, что казалось одним целым. До сих пор Вторую мировую войну исследовали односторонне с военной и уголовно-исторической точек зрения. При политическом рассмотрении довольствовались определением друзей и врагов Гитлера по обе стороны фронта. Кроме того, учитывали трения между Германией и ее союзниками, выступление консервативных сил, которые до этого наполовину мирились с существованием Гитлера, в их неудавшемся спектакле 20 июля 1944 г. Но до сих пор мало кто осознает, что после Сталинградской битвы 1943 г. сплоченный блок государств Оси стал разваливаться на различные составные части.

В год битвы при Сталинграде в лагере, активно ведущем войну на стороне немцев, четко обозначились три основные ветви. Самая мощная из них, конечно же, национал-социалистическая. Но в связи с наметившимся поражением Гитлера национал-социалистический миф стал утрачивать свой боевой дух. В то время как зондеркоманды занимаются массовым истреблением и таким ужасным образом пытаются осуществить свои национал-социалистические идеалы, в результате нарастающего распада снова высвобождается место для других сил внутри «правого тоталитаризма», сил, которые также хотят вести войну, но уже по-своему. Здесь четко прослеживаются две ветви, которые во время триумфального периода национал-социализма якобы вообще не существовали. Их скрытое присутствие стало очевидным лишь к концу войны.

Две эти ветви воплотились в двух человеческих типах, пребывающих в различных одеяниях. Первый тип – это «немец из книжки» (если она изначально не проникнута ненавистью), немец, который, едва с небес перестали сыпаться бомбы, начинает очищать улицу, поправлять дорожные указатели, заниматься снабжением, снова налаживать управление. Его девиз: должен быть порядок. Фанатизм, как нечто нарушающее порядок, им отвергается. Зверских убийств вокруг себя он не допускает. Все должно быть по правилам, которые не подвержены произволу. Он даже в хаосе стремится образовать «государство». И у этого типа встречаются крайние формы. Их следует искать там, где принцип, согласно которому солдат должен соблюдать строжайшую дисциплину, приводит к тому, что покидающие деревню ополченцы, например, расстреливаются как мародеры за то, что они украли в одном из домов сыр, хотя деревня уже через четверть часа все равно будет в руках большевиков. Эта сторона в немце кажется жуткой представителям других национальностей. Однако упрекать вышеописанный тип в несоразмерности средств и результатов не приходится, потому что для него речь здесь идет не об этом.

Другой тип прямо противоположен «немцу из книжки». Где-то к концу войны в сражающихся на Востоке войсках появляются brave парни, весьма своеобразно экипированные. Они отдают воинское приветствие начальнику только в том случае, если он им знаком или же им нравится его «морда». Они по-своему реагируют на официальную пропаганду: ухмыляются или зевают. Но они тоже воюют, хотя (или потому что) дело идет к концу. Было бы ошибочно видеть в этом лишь влияние иностранных добровольцев (или полудобровольцев), роль которых для германского руководства на завершающем этапе возрастала. Такой дух присущ и немецким юношам, оставившим школьные парты, чтобы пополнить боевые соединения. Для них это уже не крестовый поход, а нечто другое. Они не проникнуты идеологическим мессианством. На фоне воинского братства едва заметен аффект по отношению к «бюргеру», поскольку при тотальной войне таковых почти не существует. Но в результате этого их ненависть обрушивается на военных: бюрократов, казначеев, интеллектуалов из Генерального штаба. Они воспринимают как образ лишь свое воюющее (и пока обозримое) подразделение во главе со всем известным командиром. Они опознают друг друга по специально для этого созданным символам и ритуалам. И у этого типа встречаются крайние формы. В одном из американских военных отчетов рассказывается о том, как два одетых в униформу подростка были взяты американцами в плен потому, что они во время битвы самозабвенно дрались друг с другом из-за фаустпатрона, чтобы подбить приближающийся к ним американский танк.

Но это, как уже было отмечено, поздние, конечные формы. Однако в них вновь проявляется разнообразный характер «правого тоталитаризма», который с 1919 г. занимает оставленные традиционно правыми позиции. В каждой европейской стране он содержит три элемента, из которых преобладает то один, то другой. Это относится не только к отдельным движениям, но и к жизни отдельных лиц.

Мы не хотим «изобретать» новые понятия. Для описания исторических явлений надо использовать уже имеющиеся, если даже содержание этих слов строго ограничено, и все широкие значения приходится урезать. Там, где и без того хилиастическое и перегруженное страстями движение, такое как социализм, спрягается с чрезмерно эмоциональным содержанием («народ», «нация», «раса»), что наблюдается не только в Германии, но и в сталинской России, уже сам по себе, со всей своей исторической весомостью напрашивается термин «национал-социализм». Существует и более «прохладная» зона, где речь идет о сооружении нового здания среди развалин и обломков старого порядка, причем это делается без фанатизма, при трезвой оценке и понимании человеческих слабостей, но и с явным эстетическим удовлетворением оттого, что функционирует и выполнено правильно. Это область государства, которое само по себе больше, чем сумма, совокупность всех его граждан. Это значит, что оно больше, чем «общество», больше чем целевое сооружение, и за счет этого «больше» должно неизбежно ограничивать всякий произвол. Здесь можно употребить понятие «этатизм». Однако там, где господствует выделенное в данной работе чувство стиля, мы употребляем термин «фашизм».

Три составные части довольно неоднородны. Из-за нарастания явлений распада в либеральном обществе многие «государственники» переметнулись в лагерь «правого тоталитаризма». Именно им он обязан своими самыми заметными успехами. Но в души людей глубоко запали и две другие составные части этого мира: национал-социалистическая страсть и фашистский стиль.

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФАШИЗМА

Обозначенная здесь схема противоречит общей линии исследования фашизма. Впрочем, эти исследования переживают сегодня «количественный» расцвет. Даже специалисту трудно обозреть множество вторичной литературы по этой теме. Для большинства этих работ характерным является то, что догматические понятия фашизма, будь то неомарксистские или какие-либо другие, искажают взгляд на исторические явления. Самоочевидный принцип всякого исследования, согласно которому в начале работы ее результат еще не известен, особо здесь не соблюдается. В настоящей работе предпринята попытка сформулировать дифференцированное понятие фашизма (и близких ему явлений) на основе самих исторических феноменов. Сформулированные таким путем определения не настолько удобны в обращении, как определения, выведенные абстрактным путем. Без множества оговорок тут не обойтись.

Подводя итог, можно сказать, что исследование фашизма должно осуществляться тремя большими этапами. Первый этап – это доведение до конца «инвентаризации». Она не должна концентрироваться на прежних основных задачах, должна быть по возможности полной в библиографическом, географическом и историческом отношении. До сих пор исследования были нацелены исключительно на Германию, Италию, Францию, Бельгию, Англию и Испанию. Сейчас наметилось их расширение. Сомнительно, чтобы попытки доказать существование «фашистского интернационала» принесли уж очень большие результаты. Важно то, что аналогичные движения в юго-восточной Европе анализируются все основательнее. Другие же области как, например, Скандинавия или Прибалтика, разработаны пока весьма слабо.

Второй этап должен заключаться в четком разграничении родственных или якобы родственных групп и движений. При этом нам кажется, что, хотя многие и придерживаются другого мнения, разграничение между традиционно «правыми» и «правым тоталитаризмом» не составит особого труда. Тут нет таких пересечений, которые пытался выявить еще Нольте. Физика, психика и дух здесь настолько отличаются друг от друга, что между двумя лагерями сама собой возникает «нейтральная полоса». И случаи перехода левых и либералов в лагерь «правого тоталитаризма» столь же немногочисленны, как и традиционно правых (в списках жертв Третьего Рейха консерваторы стоят на втором месте после евреев).

Но на этой «нейтральной полосе» сталкиваешься с явлениями, которые не относятся ни к одной из сторон. Процесс разграничения подобных явлений отличается сложностью и требует исторического такта. Оставим в стороне всю идеологическую область (и весьма запутанный комплекс «консервативной революции»). Настоящее исследование нацелено на освещение подступов к идеологии, которые определяют идеологические и конкретные политические оптации. На «нейтральной полосе» между традиционно правыми и предметом данного исследования остаются некоторые практические политические образования, место которых должно быть четко определено. Это все структуры, которые обычно «бросают» в общий котел фашизма, чему способствуют отдельные их признаки, хотя по сути своей они от него отличаются.

В первую очередь следовало бы провести пять таких разграничений (хотя можно было бы назвать и больше). Сначала относительно тех режимов, которые принято называть «авторитарными». Они берут на вооружение отдельные мотивы «правого тоталитаризма», не претерпевая при этом внутренних глубинных изменений, частично в целях защиты от этого тоталитаризма. Образец – Португалия Салазара, или Австрия Дольфуса.

Во-вторых, необходимо выделить образовавшиеся после Первой мировой войны объединения фронтовиков – «Огненный Крест» из Франции под руководством полковника Ля Рока, который пытался даже создать собственную партию (Parti Social Français – Французская Социальная Партия).

Затем необходимо отметить воинствующие организации «борьбы народного духа», для которых превыше всего (в том числе и любой политической задачи) стояло противоборство с проявлениями, враждебными народному духу. Образец – ирландский, бретонский и фламандский национализм, а также национализм басков.

Следует упомянуть и такой сегодня уже почти забытый феномен, как крестьянские бунты, прокатившиеся по всей Европе в 1920-е и начале 1930-х годов (движение Лаппо в Финляндии, народное движение в земле Шлезвиг-Гольштейн, «Крестьянский фронт» француза Доржере, «Крестьянское движение за Отчизну» в Швейцарии). Сюда же можно причислить и различные движения средних слоев, как, например, «Швейцарский фронт» возникший в конце 1920-х годов. Следует отдельно выделить и движения, находящиеся за пределами европейского и североамериканского пояса, которые часто называют «фашистскими». Однако из-за своего своеобразия они не вписываются в данную схему. Образец: бразильский «интегрализм» или аргентинский «перонизм». У всех перечисленных здесь движений и явлений имеются отдельные черты, к которым можно было бы применить одно из наших понятий (национал-социалистический – этатический – фашистский), но как целое они остаются за рамками настоящего исследования.

Мы назвали предмет нашего исследования «правым тоталитаризмом». Оставим это вспомогательное слово в стороне. Если вышеописанным способом предмет закреплен и очерчен, пора приступать к третьему этапу исследований. Этот предмет, как составная часть близкой нам истории, имеет свои отличия. Его можно выявить лишь в случае понимания того, что тут действуют довольно различные, частично противоборствующие импульсы. Мы постарались описать важнейшие на наш взгляд три импульса. Однако возможно, что наше описание достаточно схематично и нуждается в дальнейшем уточнении.

Но все же для первого анализа этого достаточно. Просто следует избегать шаблонного и механического применения этих трех понятий: национал-социализм, этатизм, фашизм. Если, к примеру, считать Третий Рейх чисто национал-социалистическим, а государство Муссолини – фашистским, то мы не сумеем преодолеть рамки всех предыдущих упрощений. Важно осознать, что эти три импульса в одной и той же стране, в одном и том же движении и даже в одном человеке могут пересекаться и парализовать друг друга. То вдруг стремительно прорвется один импульс, затем – медленнее, обходными путями – другой. Внезапно обозначится третий. Один импульс может быть искажен под давлением другого. Все вместе они могут вдруг иссякнуть. Потом снова заявят о себе в связи с каким-либо бурным событием.

Поясним нашу мысль на двух примерах, взятых на этот раз не из Германии. Первый пример – весьма своеобразная, просуществовавшая с сентября 1943 г. по апрель 1945 г. Итальянская Социальная Республика. Речь идет о завершающей фазе режима Муссолини, наступившей после его разрыва с королем. Здесь он уже утрачивает все черты, связывающие его с итальянским истэблишментом. На конечной стадии в загнанном в угол режиме вновь появляется оскал авантюрного фашизма, что напоминает о временах марша на Рим. Ссылки на «юность» и «смерть» уже не являются просто риторикой, так как сформированные из молодежи подразделения ведут с партизанами борьбу не на жизнь, а на смерть. Этот фашизм, однако, окрашен социально-революционными программами, которые были оттеснены на задний план во

время симбиоза со старыми правящими слоями. Несмотря на такую окраску, самый яркий национал-социалист из всех итальянских фашистов Роберто Фариначчи отказывается ото всех постов, предложенных ему в Итальянской Социальной Республике, и вовсе не потому, что у него не хватает мужества. В чем же причина такой позиции? Почему он отошел в сторону?

Подобный вопрос можно задать не только по отношению к отдельным лицам. Возьмем Францию. Трудно разобраться в том, почему большая часть французской управленческой элиты, да и элиты вообще, пошла на сотрудничество с Гитлером, не понимая импульса этатизма. Этот импульс возник в результате катастрофического положения Франции после краха 1940 г. Он получает свое развитие потому, что в лице немецких оккупантов наталкивается на группы людей, мыслящих в том же направлении. Что может быть общего у французов типа Бишелонна, Габольда, Бенуа-Мешина или бывшего чемпиона по теннису Боротра с их земляком, поэтом Селином (17)? В принципе, ничего. Селина повсюду называют фашистом. Но мы вполне сознательно не поставили его в один ряд с Монтерланом и Дрие, впрочем, как и с погибшим в Берген-Бельзене Жоржем Валуа (18). Три яростных политических памфлета Селина также не имеют ничего общего с фашизмом, ни с его традиционным итальянским прототипом, ни с фашизмом в нашем более широком понимании. И дело тут не в бьющей ключом ненависти, что выпадает из «холодного стиля». И то, что эти три памфлета являются, пожалуй, единственными национал-социалистическими произведениями, боевыми творениями высокого литературного уровня, объясняется не только плебейским «соком», который их оживляет. «Национал-социализм» проявляется здесь, прежде всего, в социальном возмущении. Точнее, душевное возмущение целого слоя народа ищет себе врага и находит при этом слово.

Тот, кто не видит этих различий в стиле, не поймет, что произошло, когда Селин в Париже, во время немецкой оккупации встретился с Эрнстом Юнгером. Юнгер зафиксировал эти встречи в своих дневниках «Излучения» под разными датами и со свойственной ему остротой взгляда. Селин предстает то под своим именем, то под легко разгадываемым псевдонимом. И что же происходит? Национал-социалист надеется встретить в лице немецкого оккупационного офицера и коллеги-писателя своего единомышленника и наталкивается при этом на эстета, то есть, фашиста, что ему абсолютно чуждо. Этот фашист не хочет разделять его ненависти, она ему претит. В отрицательном отношении эта встреча столь же знаменательна, как и встреча Бенна с Маринетти – в положительном (19).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Настоящая работа начиналась с сопоставления двух писателей и заканчивается сопоставлением двух других. Можно было бы квалифицировать ее как «историко-идеологическую» и, согласуясь с современным вкусом, отказаться от «социологического обоснования». Однако данная работа не преследует ни историко-идеологические, ни социологические цели. Она призвана вызвать инициативы, которые бы привели к формированию идеологии и образованию определенных форм общественных организаций. Такой методический принцип приблизительно соответствует методу Алойса Ригла в истории искусств, который выдвинул гипотезу о том, что «желание искусства» опережает, вернее, предшествует всем его разновидностям, чем положил конец бесплодному спору, архитектура ли (и живопись) обуславливает пластику или наоборот.

Выдвигая гипотезу о «желании политики», мы ни в коей мере не оспариваем значение общественного фактора. Она направлена против однопричинного «социологиз-

ма», который не в состоянии убедительно объяснить, каким образом якобы неизбежный детерминизм со стороны общества сочетается с фактом стремительной общественной перегруппировки именно в период с 1919 по 1945 гг. (левацкие элитарные теории, с помощью которых пытаются разрешить противоречие – здесь можно назвать теории ренегатов из старых господствующих слоев, которые подвизаются в качестве повивальных бабок эмансипации, – выглядят не очень убедительно). Общественное является частью сложной действительности.

Сложность в данном случае заключается в том, что в действительности нет дорог с односторонним движением. Между отдельными ее частями наблюдается возвратно-поступательное движение различных действий или только соответствий. Наивная схема базиса и надстройки была рабочей гипотезой социал-теоретика, который пытался бороться с идеализмом окружающего мира. Но идеализм и его корреляты давно стерты в пыль, и теперь снова можно мыслить, исходя из неделимости существования.

Для большей конкретности скажем, что в исследовании фашизма вступают в противоборство социологический тезис и социальный диагноз, которые, строго говоря, понятия взаимоисключающие. Тезис в разных вариациях пронизывает большинство теорий о фашизме (в том числе и немарксистских). Сам он «родом» из марксизма и уже к началу 1920-х годов (во временном отношении «соседствует» с маршем на Рим) используется в полемике с итальянскими «чернорубашечниками». Согласно этому тезису, фашизм по сути своей является защитным рефлексом среднего слоя (а именно, его низшей части), который оказывается между молотом и наковальней, то есть, между поднимающимися рабочими и господствующими слоями, владеющими средствами производства. Высшие слои охотно воспользовались бы этим защитным рефлексом, превратив средний слой в дамбу против рабочих.

Социальный же диагноз свидетельствует о том, что в период с 1919 по 1945 гг. произошло такое изменение структуры общества, которое по своему значению сопоставимо с переходом от французского абсолютизма к буржуазной эпохе. В названный период старые классы утратили свои основные черты, как бы обветшали, и образовался широкий средний слой, который в «заповеднике» еще сохраняет остатки прежнего высшего слоя, но в основном управляется небольшим числом лидеров. Возникновение этого широкого слоя отнюдь не способствовало утверждению на земле царства справедливости. По-прежнему существует неравенство, различия в благосостоянии становятся вопиющими. Появились новые группы «терпящих бедствие» (пенсионеры). Но больше не существует класса или сословия в старом смысле этого слова. Не существует той реальности, в которой человек был рожден и с которой он всегда должен был мириться. Общество стало проницаемым, хотя и методы «подъема» не всегда отрадны.

Как соотносятся тезис и диагноз? Сначала тезис необходимо существенно модифицировать. В ходе современных единичных исследований начинают осознавать, что причисление новых форм правых к среднему слою является недопустимым упрощением. Работа Луиса Шевалье о социальных корнях бонапартизма (1950 г.) сыграло в этом революционную роль. Условиями возникновения Национал-социалистической Рабочей Партии Германии были посвящены исследования Франца Виллинга и Вернера Мазера. Что касается трех выявленных нами ветвей, они, как нам представляется, предполагают не только различные формы, но и различную интенсивность социальной связи (и провоцируют ее). Но является неожиданным и то, что национал-социалистическим импульсом в основном были охвачены низшие слои общества (не только среднее сословие и буржуазия, но и рабочие). При тенденциях этатизма социальная фиксация значительно слабее, так как эти тенденции находят поддержку,

прежде всего, среди тех управленцев, которые представляют собой цвет наиболее одаренных представителей всех слоев. Что же касается «фашизма», то здесь дело обстоит иначе. Носителями этого стиля являются, прежде всего, группы населения, которые находятся вне определяемых способом производства слоев общества (еще не вступившая в трудовую жизнь молодежь, военные, члены воинских организаций и т. п.). В социальном плане все три ветви имеют одну общую черту: задачу смести старые социальные границы.

Является ли это, как утверждают левые теории о фашизме, всего лишь риторическим фасадом совсем иной действительности? Вытекающая из особой ситуации XIX века вера в то, что революционерами могут быть только левые, прочно вошла в сознание людей. Однако историки и наделенные историческим тактом социологи все больше и больше осознают, что описанные здесь явления представляют собой мощную революционную силу, которая и сделала возможным то коренное социальное преобразование, как бы к этому ни относились. Одним из первых был Ральф Дорендорф, тогда еще молодой профессор социологии, обронивший знаменитые слова, что наряду со всем прочим Третий Рейх для Германии был «прорывом в современность». Наступило время заняться и этими сторонами фашизма (вместо его анекдотичных и уголовных сторон).

Имеем ли мы достаточно оснований для того, чтобы таким образом соответствовать фашизму исторически? Нас не должны пугать слова (не Дорендорфа) о «нежелательных для народа с педагогической точки зрения истинах». История – нам не нянька, она нас не детерминирует. Но она и не представляет нам бесконечных возможностей. Когда мы, наконец, перестанем закрывать глаза на такие явления как фашизм, национал-социализм и т. д., на которые было наложено табу, и трезво спросим себя, чем они являлись в действительности, тогда мы и узнаем, какие возможности у нас еще остались.

1973

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Примо до Ривера Хосе Антонио, сын военного диктатора Испании в 1923-1930 гг. генерала Примо де Ривера. В 1933 г. создал и возглавил «Испанскую Фалангу», авторитарно-националистическое движение, построенное по образцу итальянской фашистской милиции. Был избран в Кортесы (парламент). После прихода к власти коммунистического «Народного фронта» (1936) «Фаланга» была запрещена, а ее члены подвергнуты репрессиям. Примо де Ривера был арестован и приговорен к расстрелу. Убит 20 ноября 1936 г.

2. Дегрель Лион (1906-1994), вождь бельгийских нацистов-рексистов, оберштурмбанфюрер СС. В 1920-е гг. вступил в националистическую организацию «французское действие». В 1930 г. основал фашистскую организацию «Рекс», был депутатом бельгийского парламента. В 1940 г. интернирован бельгийскими властями. В 1941 г. добровольцем вступил в валлонский легион вермахта. Принимал участие в боях на советско-германском фронте. В 1943 г. переведен в Войска СС. С 1944 г. командир добровольческой штурмовой бригады СС «Валлония», которая затем стала дивизией. Награжден Рыцарским Крестом с дубовыми ветвями. После поражения Германии бежал в Испанию. Автор мемуаров «Гитлер на тысячу лет».

3. Мосли Освальд (1896-1980), лидер британских фашистов. Участник Первой мировой войны. В 1918 г. избран в парламент от Консервативной партии. В 1924-31 гг. был членом парламента от Лейбористской партии. В 1929-30 гг. министр без портфеля в кабинете Макдональда. В 1932 г. основал Британский фашистский союз. Выступал за сотрудничество Великобритании с нацистской Германией и за установление фашистского режима в стране. Весной 1940 г. был интернирован. В 1948 г. возродил партию под названием «Союзное движение». Автор мемуаров «Моя жизнь».

4. Дорио Жак (1898-1945), французский коллаборационист. В 1916 г. вступил в социалистическое молодежное движение. В 1917 г. призван в армию, сдался в плен. В 1920 г. вступил в Социалистическую партию, с 1922 г. член Исполкома Коминтерна. С 1923 г. секретарь французской федерации «Молодых коммунистов». Был арестован властями. С 1931 г. депутат Национального собрания. В июне 1934 г. порвал с коммунистами, основал и возглавил Французскую народную партию, которая занимала антикоммунистические и антисемитские позиции. После поражения Франции в 1940 г. НФП стала ведущей коллаборационистской партией. Активно сотрудничал с нацистами, создал Антибольшевистский легион. В феврале 1945 г. был убит.

5. Кодряну Корнелиу (1899-1938), лидер румынских фашистов. Участник Первой мировой войны, офицер артиллерии. В 1919 г. вступил в праворадикальную Гвардию национального сознания. В 1922 г. создал Ассоциацию христианских студентов. В 1923 г. основал Лигу национальной христианской защиты. Организовал серию акций национального протеста. Был арестован. В 1927 г. создал Легион Михаила Архангела, а в 1930 г. – политическую партию «Железная гвардия», которая требовала установления в Румынии легионерской диктатуры и принятия антиеврейских законов. Партия была отвержена православному христианству и монархизму. В 1938 г. Кодряну был арестован за антиправительственную деятельность. Убит по приказу короля.

6. Моррас Шарль (1868-1952), националистический публицист и писатель, лидер французских националистов-монархистов. Политическую карьеру начал с участия в пропагандистской кампании против Дрейфуса в 1898 г. В конце XIX века вступил в организацию «Французское действие», которую затем возглавил. Стоял на антисемитских и антиклерикальных позициях. Критиковал либерализм, социализм и анархизм. После 1940 года поддерживал коллаборационистов, считая маршала Петена «спасителем нации». В 1945 г. был осужден за сотрудничество с нацистами.

7. Доде Леон, ведущий публицист газеты «Французское действие», органа одноименной политической партии, ближайший соратник Ш. Морраса.

8. Маринетти Филиппо Томмазо (1876-1944), итальянский писатель-футурист, общественный деятель. Один из основателей футуризма. Поддерживал фашистов. После «марша на Рим» подписал манифест «Итальянская Империя», в котором Муссолини провозглашался вождем новой Италии, высказывались антиклерикальные и антисоциалистические призывы. Издавал газету «Футуристический Рим». Выступал за провозглашение футуризма официальным фашистским стилем. В 1929 году стал академиком Итальянской академии искусств. Участник Второй мировой войны. В качестве военного корреспондента провел несколько месяцев на Восточном фронте. В 1943 г. выступил в Итальянской академии с докладом «Чернорубашечники и поэты-футуристы, сражающиеся на Дону». Умер от сердечного приступа.

9. Бенн Готфрид (1886-1956), немецкий поэт-экспрессионист. Изучал богословие и филологию в университетах Марбурга и Берлина. В 1912 г. окончил берлинскую военно-медицинскую академию. Автор многочисленных научных работ по медицине.

Первый поэтический сборник – «Морг и другие стихотворения» – выпустил в 1912 г. Участник Первой мировой войны. В 1932 г. стал действительным членом Прусской академии искусств. Примкнул к национал-социалистам. В 1933 г. выступил с памфлетом «Ответ литературному эмигранту», направленному против Клауса Манна. Был «эстетическим антисемитом». В конце 1933 года подвергся нападкам партийных и эсэсовских изданий за формализм в творчестве. Последней публикацией при нацизме стал сборник «Избранные стихотворения» (1936). В 1938 г. был исключен из палаты писателей, на его творчество – наложен запрет. Вернулся в армию, дослужился до полковника медицинской службы, участник Второй мировой войны.

10. Йост Ханс (1890-1978), немецкий драматург и поэт, группенфюрер СС. Изучал медицину в университетах Лейпцига, Мюнхена и Вены. Написал и опубликовал несколько экспрессионистских драм. В 1929 г. возглавил организацию поэтов-нацистов, принимал участие в «борьбе за германскую культуру». В 1932 г. выпустил пьесу «Шлагетер» о немецком патриоте, павшим от рук французских оккупантов. В пьесе прозвучала знаменитая фраза, которую затем начали приписывать различным нацистским вождям: «Когда я слышу слово «культура», мне хочется нажать на курок моего браунинга». В июле 1933 г. сменил Г. Манна на посту секции литературы Прусской академии искусств. С 1933 г. руководил Прусским государственным театром, член прусского ландтага, близкий друг Г. Гимmlера. С 1934 г. прусский государственный советник. В октябре 1935 г. сменил Г. Блунка на посту президента Национальной палаты писателей. Автор многочисленных официозных произведений. После войны приговорен к денежному штрафу и 6 месяцам трудовых лагерей.

11. Баррес Морис (1862-1923), глава патриотического и антидемократического крыла французской литературы. В своем творчестве эстетизировал национализм, воспевал сильную личность, нонконформистский индивидуализм. Разоблачал бездуховность современников. Автор трилогии «Роман национальной энергии».

12. Ля Рошель Пьер Дрие (1803-1945), французский коллаборационист, публицист и писатель. В творчестве сильны мотивы антибуржуазности, антисемитизма, поиска сверхсилы и сверхмужественности, тоски по «сильной руке», культы смерти. В 1936 г. вступил во Французскую народную партию Ж. Дорио. В публицистике этого периода высказывал симпатии гитлеровскому режиму (статья «Масштаб Германии»), в книгах «Юный европеец» и «Европа против отечеств» выступал за франко-немецкую дружбу как почву для объединения Европы. Самый известный роман «Жиль» (1939) о судьбе фронтовика, который приходит к фашизму. Поддерживал немецкую оккупацию Франции. 15 марта 1945 г. покончил жизнь самоубийством.

13. Бразильяк Робер (1909-1945), французский коллаборационист, писатель и публицист. Выступал в поддержку фашизма и антисемитизма. Во время оккупации сотрудничал с нацистами. Издавал и редактировал коллаборационистскую газету «Суи Парто». Активно поддерживал правительство Петена. В 1945 г. был приговорен к смертной казни. Расстрелян.

14. Юнгер Эрнст (1895-1998), немецкий консервативный революционер и писатель. В 17 лет вступил во французский Иностранный легион. В 1914 г. добровольцем вступил в армию. За боевые отличия награжден высшим военным орденом Pour le Merite. В своем бестселлере «В стальных грозах» (1920) прославлял войну и волю к смерти. Заигрывал с национал-большевиками. В философской работе «Рабочий. Господство и гештальт» (1932) нарисовал картину общества «технического империализма». В период Третьего Рейха оставался одним из наиболее читаемых писателей. В годы Второй мировой войны вернулся в армию, служил в штабе германского военного командования во Франции, несколько месяцев провел на советско-германском фронте.

В 1948 г. оккупационные власти наложили на творчество Юнгера запрет. Слава вернулась к нему в 1950-е гг. Многократный лауреат литературных премий ФРГ.

15. Д'Аннунцио Габриеле (1863-1937), итальянский писатель и политический деятель, сторонник фашизма, академик.

16. Монтерлан Анри де (1896-1972), французский писатель, коллаборационист. Сотрудничал с оккупационными властями. После войны писал драмы, исполненные христианским духом. Покончил жизнь самоубийством.

17. Селин Луи Фердинанд (1894-1961), французский писатель, коллаборационист. В своем творчестве выражал мироощущение человека, понявшего бессмысленность своего существования, использовал новаторский стиль (роман «Путешествие на край ночи»). Приветствовал немецкую оккупацию, в 1944 г. бежал из Франции. Вернулся в страну в 1951 г. получив амнистию.

18. Валуа Жорж, публицист и оратор, лидер фашистского «Союза бойцов и производителей» (1925). Целью союза было создание национального государства, которое сняло бы партийные и классовые противоречия. В книге «Фашизм» (1927) предлагал слияние национализма и социализма. Был противником нацистской оккупации Франции. Погиб в немецком концлагере.

19. Вот одна из этих записей, датированная 7 декабря 1941 года

(Селин подразумевается под псевдонимом «Мерлин»): «Днем в Немецком институте. Там, среди прочих, Мерлин, высокий, костлявый, сильный, неотесанный, но яростный в дискуссии, или, скорее, в монологе. У него отстраненный взгляд маньяка, глаза прячутся под надбровными дугами, словно в пещерах. Он не смотрит ни влево, ни вправо; кажется, он следует какой-то неизвестной цели. «Смерть всегда при мне», – и он тыкает пальцем возле кресла, будто там лежит его собачонка. Он выразил свое несогласие, удивление по поводу того, что солдаты не расстреливают, не вешают, не изничтожают евреев, – удивление по поводу того, что тот, к чьим услугам штык, не использует его неограниченные возможности.

«Если бы большевики были в Париже, они бы вам показали, как прочесывают население, квартал за кварталом, дом за домом. Будь у меня штык, я бы знал, что делать» (См.: Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945). – СПб., 2002. – с. 67-68.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

«ФАШИСТСКИЙ СТИЛЬ» АРМИНА МОЛЕРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

«Стиль есть судьба» (Освальд Шпенглер)

Армии Молер – блестящий германский интеллектуал, один из основоположников интеллектуального течения «Новых Правых» («Neue Rechte»), имеющий неоспоримые заслуги в обогащении европейского праворадикального дискурса новаторскими идеологическими формулами. Так, в значительной мере благодаря его выдержанной в академическом стиле монографии «Консервативная революция в Германии в 1918-

1932» (А. Mohler. Die konservative Revolution in Deutschland 1918 bis 1932. Stuttgart, 1950), термин «консервативная революция», помимо самоидентификации группы ультраправых идеологов, прочно утвердился в научной среде как «классификационное наименование, применяемое в исторических исследованиях по отношению к данному интеллектуальному течению» (Андреас Умланд). Столь же новаторский характер имела и брошюра А. Молера «Фашистский стиль», в которой он предпринял попытку предложить некую новую модель понимания «фашизма», «объективную и отстранённую». Анализ, произведённый Молером в названной работе, позволяет «методом исключений найти наиболее адекватный подход к рассматриваемой теме. Отринув классические определения – «тоталитаризм», «социализм», «расизм», «национал-социализм», «консерватизм», «капитализм» и т.д. – в определении фашизма стоит прибегнуть к иным критериям, которые вырисовываются уже из предыдущих разграничений. Фашизм следует рассматривать, в первую очередь, как стиль. И лишь распознав и определив фашизм как «стиль», можно проводить дальнейшие сравнительные исследования, сопоставляя его с идеологическими, эстетическими, социологическими и экономическими учениями» (Н. Мелентьева. Фашизм как «стиль» (Анализ политологических концепций немецкого историка и социолога Армина Молера) // Элементы №4 1993). Как отмечает г-жа Мелентьева в вышеуказанной работе, предложенная А. Молером «модель» понимания фашизма сегодня «принята в большинстве академических кругов Европы».

Однако, выдвинутая Молером «модель», определяя (а значит, в известной мере и ограничивая, ведь всякое «определение» есть с тем вместе и «ограничение») феномен «фашизма» именно как «стиль», понимаемый исследователем, прежде всего в экзистенциальном плане, оставляет, по ознакомлении с ней, ощущение некоей «неполноты», некоего «неокончательного слова» о названном феномене... Действительно, Армин Молер приводит в своей работе ряд весьма выразительных высказываний некоторых «фашистов» (таких как Готтфрид Бенн, Эрнст Юнгер, Томмазо Маринетти etc.), а также и ряд не менее выразительных «экзистенциальных жестов», принадлежащих «фашистам» (таких как защита Алькасары во время гражданской войны в Испании и т.п.), иллюстрирующих выдвинутый тезис о «фашизме» как «стиле», как «победе экзистенциализма над идеализмом». Как утверждает Молер: «Стиль здесь стоит выше состояния души, форма значит гораздо больше, чем идея». Возникает, впрочем, закономерный вопрос: а что понимать под «душой» и что понимать под «идеей». Если руководствоваться только лишь философией экзистенциализма, которая выражает состояние «заброшенности» субъекта в холодном и чуждом мире, состояние человека, оторванного от бытийной укоренённости, измученного неутолимой тоской по высшим формам реальности, то произведённый А. Молером анализ можно признать вполне исчерпывающим. Сам Молер проницательно замечает в одном месте своего труда, что для экзистенции фашиста «на заднем плане ощущается присутствие более глубокой потребности – ностальгии по иной, более напряжённой, более цельной форме жизни». Стоит напомнить, что обретение иной, «более цельной» формы жизни, положительное разрешение кризиса субъекта, диагностированного экзистенциализмом, находится на большей глубине, нежели предложенное понимание «стиля» только как экзистенциального жеста, только как внешней формы. Связь с высшими формами реальности, цельность жизненной формы – всё это есть прерогатива Традиции. Напомним хрестоматийное обозначение «человека Традиции», как «человека с целостным восприятием» (М. Элиаде. Ностальгия по истокам. М., 2006). Экзистенциализм имеет дело с «существующим» (он изначально онтологически ущербен), Традиция же имеет дело с «сущим», она онтологически полноценна. Стало быть, тот кризис, который пытался положительно преодолеть Фашизм, та глубинная экзистенциальная потребность, которую Фашизм стремился удовлетворить, имеют своё религиозное измерение. Религиозный аспект Фашизма, по меньшей мере, столь же важен, сколь и открытый А. Молером стилистически-формальный аспект, по сути же второй аспект есть выявление на внешнем плане аспекта первого. То есть,

понятие о «фашизме как стиле» нуждается в некоей онтологизации. Как верно заметил О. Шпенглер, остро ощущавший необходимость этой онтологизации, «стиль – есть судьба. Он даётся, но его нельзя приобрести». Стиль, согласно Молеру, слишком субъективен, слишком оторван от Целого, от Сущего, слишком погружён в сферу «существующего» (отсюда и пренебрежительный отзыв об «идеях», между тем, согласно Традиции, идея (эйдос) всякой вещи являет собой ее сущность). Стиль, согласно Шпенглеру, объективен, он в полной мере «даётся», даётся как самовыявление расовой души. «Он создаёт не только вполне определённый дух мышления, чувствования и действий, дух государства, искусства и жизненного порядка, но также создаёт тип античного, индусского, китайского, европейского «человека», с совершенно своеобразной структурой тела и души, единого в своём инстинкте и сознании, создаёт расу в духовном смысле слова» (О. Шпенглер. Пруссачество и социализм. М., 2002). Поэтому, и «фашистский стиль», понимаемый интегрально, с необходимостью должен включать в себя не только «экзистенциальные жесты» (пусть сколь угодно яркие) нескольких героических или экстравагантных индивидуумов, примыкавших к движению Европейской Консервативной Революции 1920-45 гг., но и всю совокупность впечатлений сего стиля на структуре фашистских государств, на фашистской архитектуре, на иных фашистских искусствах, на фашистском образе ведения войны (а здесь, очевидно, вклад Войск СС и их творца Г. Гимmlера куда более весом, нежели вклад того же Юнгера, при всей одарённости последнего, несколько не отрицаемой нами), наконец, на мельчайших «бытовых» элементах фашистского жизненного уклада... Несомненно, что такая фигура как Адольф Гитлер наложила свой отпечаток на все преждеисчисленные элементы «фашистского стиля», и что сей отпечаток объективно значительнее, нежели то, что сделано в данном отношении Г. Бенном, Э. Юнгером и прочими фигурами, избранными А. Молером для репрезентации «фашистского стиля». Впрочем, для Молера, очевидно, Гитлер вовсе никакой не «фашист», что лишний раз доказывает крайний субъективизм оценок этого исследователя (примечательно, что в своём главном труде о «консервативной революции», Молер проявляет подобный же субъективизм, определяя «консервативную революцию» как своего рода «троцкизм» в отношении Национал-социализма). И то сказать, тот же Гитлер, к примеру, личность абсолютно цельная, а Юнгер (да и прочие репрезентативные фигуры «фашистского стиля» у Молера), при всех своих, повторим, неоспоримых талантах, страдал какой-то «метафизической надтреснутостью» и пребыл до самого скончания дней своих от нее неизлеченным... Можно по-разному относиться к такому «эксперту» как «гламурный фашист» Э. Лимонов, однако, его оценка Гитлера как величайшего стилиста, как Художника в Политике, совершенно адекватна: «все поступки Гитлера и вся его политическая жизнь – это поступки и жизнь художника, артиста, и мстить ему, делая из него узкого ефрейтора – несправедливо» (Э. Лимонов. Священные монстры. М., 2003).

Фашистская Италия, созданная гением Бенито Муссолини, и Национал-социалистическая Германия, созданная гением Адольфа Гитлера (превратившаяся затем в фашистскую «Империю Европа»), представляют из себя настоящие произведения искусства, подлинные шедевры. Причём, искусства понимаемого в особом, объективном, сверхиндивидуальном смысле. Третий Рейх сверххудожника Адольфа Гитлера, и объединённая вокруг него Европа Фасций, – это величественное и грандиозное произведение сверхискусства, того, что Р. Вагнер (а Гитлер был, не забудем, вагнерианцем) поименовал *Gesamtkunstwerk* («произведение всеискусства», буквально: «совокупное произведение всех искусств»).

И стилистическая достоверность этого шедевра сверхискусства настолько убедительна, что и по сей день, спустя полвека после его насильственного разрушения чуждыми антиевропейскими и антихристианскими силами, магический образ Европы Фасций обладает неотразимым фасцинирующим действием. (Оно настолько велико,

что, например, советский Большой Стиль (известный также как «сталинский ампир», столь восхищающий многих недалёких патриотов здесь в России), представляет собой попросту ухудшенную копию, пошловатый и эклектичный «ремейк» двух замечательных арио-имперских образцов подлинно Большого Стиля: дореволюционной Царской России и Германии Гитлера).

В этом – и высшее оправдание фашистского стиля в минувшем и высшее предназначение его в грядущем. Фасциация мира – такова, если угодно, «энтелехия» фашистского стиля. О «фасциации Европы и мира» писал удивительный автор-традиционалист, герольд эсхатологической доктрины Священного Фашизма, Гвидо де Джорджио: «...»Фасциация» имеет тот же корень, что и более привычное на сегодня слово «фашизация», однако, если в последнем случае речь идёт о конкретном историческом политическом движении... то «фасциация» ведёт своё происхождение от надвременного традиционного символа, смысл которого выражен в том числе фасцией (и имеющего аналоги почти во всех традициях, пусть и в иной форме)». Говоря об «интегральном» или «Священном и Воинском Фашизме», де Джорджио имеет в виду не столько изменение данных форм общественно-политического устройства, но, прежде всего, «полное восстановление Римской Идеи, понимаемой как общее начало и объединяющая сила двух традиций (арио-романской и арио-христианской), однако не за счёт их смешения, а за счёт их возвращения к своей исконной чистоте». Смысл же «фасциации» состоит в том, чтобы «дать каждому человеку, каждому элементу один путь, один центр, одну ось, избегая их смешения». Де Джорджио провидит мир, в котором каждый будет обладать «свободой, которой он достоин», в котором будет жить Традиция, а не традиционализм, в котором «сольются воедино Созерцание и Действие», в котором есть место и разногласиям, и конфликтам, и войнам, но все они находят своё оправдание в рамках единой Традиции. Для этого человек должен восстановить утраченную внутреннюю цельность, что только и позволит внешнему миру обрести высшее единство» (В. Ванюшкина. «Стихийный традиционалист» Гвидо де Джорджио // Волшебная гора. Выпуск VIII. М., 2002).

Фашистский стиль, понимаемый как жизненная форма, призван способствовать восстановлению европейским человеком утраченной целостности. А понимаемый как судьба, фашистский стиль, даёт каждому элементу жизненной сферы белого человека один центр, одну ось, один путь. Этот путь есть верность нашей Арийской Судьбе. А Арийский Дух, несомненно, найдёт те формы, в которые ему подобает облечься, реализуя высшее единство в рамках нашей исконной Арио-Христианской Традиции.

Роман Бычков

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРОБУЖДЕНИЕ АРХЕТИПА И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Российское общество вступило в эпоху разрушения стилистических парадигм прежних идеологических построений. Коммунистический, либеральный и патриотическо-почвеннический дискурс переживают глубочайший кризис. Их конец уже обозначен. Коммунистическая эстетика «восставшего раба», патриотические экстазы по поводу «берёзового рая», либеральная массмедийная культура, – всё это превращается в карикатуру на самое себя.

Однозначно и то, что на фоне молекулярного распада минувших идеологий, множатся признаки, приближающейся русской Национальной революции. Националистические идеи всё в большей степени завоёвывают умы наших сограждан. Экспансионистский масштаб зарождающейся националистической идеологии впечатляет. Так или иначе, она находит поддержку разных слоев населения, от высокопоставленного интеллектуала до простой домохозяйки, от доведённого до нищеты финансового олигархией квалифицированного работника ВПК до русского «братка», который достаточно чётко различает свои, русские и чужие интересы.

Вместе с тем, подлинная Национальная революция невозможна без пробуждения русского Архетипа, того глубинного и предельно конкретного начала, кое коренится в чистоте Крови и расовой определённости. К сожалению, приходится признать, что Архетип русского человека пока ещё дремлет под спудом замшелой «патриотщины». Меч Русской революции по-прежнему лежит на дне дурно пахнущего «патриотического» болотца, в коем удобно устроились и коммунисты, и монархисты-лапотники, а теперь уже и либералы. Нынче в моде патриотический душок, коим отдают многие «сибирские цирюльники».

Только явление подлинного национального Стиля, Стиля новой эстетики, сможет пробудить наш Архетип и способствовать революционной инициации.

Рождение нации обуславливается, прежде всего, подъёмом национального Стиля. Европейские национальные революции 20 – 30 годов минувшего столетия были по существу революциями Стиля. Так, Германия определилась через музыку Вагнера и нордический миф. Италия – через культ техники и футуристические манифесты Маринетти. Испания – через рыцарскую романтику иберийского наследия.

Стиль внеличностен, но обнаруживает себя в личности. По словам Освальда Шпенглера, «Стиль есть судьба». Он коренится в соборном сознании, обуславливая стилистический характер рождения нации.

Стиль русской Национальной революции должен вещать, прежде всего, о нашем предназначении. Однако подлинный Стиль не создаётся по заказу, искусственно. Подлинность вообще не создаётся. Она вспоминается в переломные моменты истории. Нам предстоит вспомнить и варяжскую доблесть, и новгородскую вольницу, и беспредельную преданность опричников Грозного Государя. Вспомнить и запечатлеть это воспоминание в новом национальном Стиле.

Идеалом нашей грядущей эстетики должен стать настоящий русский Герой, существо коего соткано из творческих и одновременно разрушающих энергий. Ибо одно без другого немислимо. Морализаторство, пресловутая политкорректность и любого рода фрейдовское психоложество, должны быть отвергнуты, как разлагающие начала. Преодолеть нам должно и то, что охарактеризовано как «вечно-бабье» в русской душе. Образ страдающей от якобы социальной несправедливости проститутки столь же деструктивен, как и образ какой-нибудь голливудской «королевы воинов». Восстание Мужественности должны мы противопоставить вагинальной клоаке современного мира.

Сила выше, чем мудрость. Русский национальный Стиль должен учить мудрости Силы. Мудрость Силы толкает Героя на осознанный риск, ибо Смерть Героя только переход, только огненный мост, пройти через который дано отнюдь не всем. Основоплагающим началом нашего Стиля должно стать великолепие героической Смерти.

Вступившим на путь национал-революционного «Kulturkampf»'а, надо осознать необходимость разнообразия эстетических выражений: от ледяных форм классицизма до самого огненно-революционного авангарда. В идеале необходимо слияние того и другого в единый поток Большого Стиля.

Будущее нашего Стиля проясняется. Оно уже сквозит в произведениях русских поэтов и художников. Его биение угадывается в принципиальном внегуманизме industrial – музыкантов. Пусть беснуются те, кому Волей Божией суждено сгинуть во мраке апостасийного мира. Нас ждет новый Век, революционный Эон, в котором русским суждено творить собственное национальное Величие.

Сергей Яшин

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

АСПЕКТЫ ВОИНСКОГО СТИЛЯ

Воля к стилю – так можно определить ту реальность, когда тысячи и десятки тысяч честных молодых людей неожиданно оказываются перед необходимостью поиска той формы, которая способна создать ощущение выхода из существующего ценностного вакуума и триумфа хаоса. Стать причастным этой форме – значит следовать требованиям стиля. Стиля не в смысле моды, а в смысле целого комплекса ценностно-поведенческих норм. К поиску этого стиля подталкивает исходящая изнутри энергия, решимость, воля.

Стиль ультраправого движения – это суровый ответ царству количества. Предельно практичный облик современного «уличного бойца» в сочетании с нетерпимостью к господствующим нормам – это бомба, призванная взорваться в самой гуще нынешнего антимира, либо нанести по нему серию чувствительных ударов. Те же самые цели преследовали и прямые предшественники сегодняшних правых радикалов – чернорубашечные сквадристы и коричневорубашечные штурмовики – воплощение реакции, контрреволюции, реванша.

В основе «фашистского» стиля лежит ориентированность на воинскую традицию и воинский стиль, на те компоненты, которые сформировались изначально. В принципе, это никогда не ускользало от взгляда разных «исследователей», но приобретало в их трактовке нарочито вульгарный и плоский оттенок. Это не странно – профессура и милитаризм обычно плохо сочетаются. Зато милитаризм идеально соответствует ультраправой молодежи, все чаще останавливающейся в своем поиске именно на воинском стиле. Воинское мировоззрение, испытанное в горниле сражений, часто связано с изменением ориентиров и переустройством душевной конституции. Воин не послушен требованиям нынешнего антимира, движимый духом и волей, он откровенно жаждет борьбы.

Воинский стиль – это дух, рождающий уверенность и бесстрашие. Воинский стиль – это напряжение и упорство, это воля, выковывающая дисциплину. Воинский стиль – это порядок. Порядок утверждает иерархию, иерархия – правила поведения, правила поведения – стиль. Воинский стиль – это духовно-волевое явление порядка, иерархии, традиционного образа жизни.

Если стиль, отражая состояние духа и воли, направлен изнутри вовне, то форма есть завершённое воплощение материи и проявления духа. Дух делает каждый воинский шаг оправданным. Поступок духа открывает себя в эмпирической реальности. Стиль – самоощущение духа, его способность выявлять смысл наружу. Форма – ограничение смысла, эталон для подражания. Стиль – господство силы, власти, ответственности. Форма – сила, олицетворенная в строю, власть, зазвучавшая в команде, ответственность, ослепляющая блеском штыков. Форма – оружие, патрон, выстрел; стиль – жажда огня, стихия, мощь. Форма – удар, атака; стиль – побуждение. Стиль ясен, открыт, обретаем, сопряжен с полнотой жизни, какую она может в данном случае представить. Стиль вписан в форму так, как металлические зубцы, расположенные на лезвии штык-ножа.

Стиль – красота формы, здоровый дух и твердая воля. Здоровый дух – авторитет и достоинство. Твердая воля – стальная хватка. Стиль и форма – реальность, простота, жизнь, в которой нельзя отличить предыдущего от последующего, становящееся – от уже ставшего. Стиль – нерасчленимое множество взаимопроникнутых энергий, личное и безличное, соединенное в действительности.

Воинский стиль – особый феномен человеческого духа. При этом, «Я» по отношению к стилю вторично. Индивидуальное умалывается в стиле. Стиль – ограничение «Я». «Я» зависит от формы.

«Я» проявляет себя вне строя – в разумной инициативе, в подвиге. При этом, даже совершая поступок в свободном порыве, воин делает его не для себя, а для строя. Строй внеличен, надындивидуален. Строй не хаотичная масса, а качественный порядок, выраженный в количестве. Строй – главенство формы и единого духа, т.е. стиля. Качество в строю – дух единства, указывающий, что «Я» атрибутивно-функционально. Количество в строю – это единство формы как с внешней, так и с внутренней стороны.

Воинскую традицию обычно принято противопоставлять морали. Действительно, воину (в особенности на войне) чуждо стремление ставить на первое место нравственные категории. Воинскому стилю противны проявления нравственного монизма. Вместе с тем, нельзя сказать, что воинский стиль аморален. Мораль в рамках армии – явление ответственности. Ответственность – первейшая черта организации, построенной по иерархическому принципу. В связи с этим мораль воинского стиля априори иерархична. Когда каждый знает свое место, знает, почему он здесь и зачем, тогда и мораль не есть проявление плоского рассудка, а настоящая ответственная жизнь.

Мораль для воинского стиля – самоотречение. Это самоотречение от дурных склонностей, лени, тщеславия, животного существования, т.е. от всего того, чем живет масса и чернь. Самоотречение есть и черта формы. Наглядным тому подтверждением является строй. Строй – живой организм. Строй – моральная величина, в нем присутствует дух самоотверженной службы. Строй, тем самым, являет собою воплощенную мораль, суровую нравственность, закон жизни, имеющий глубоко традиционную основу.

Воинский стиль являет себя в полноте на войне. Война создает не только среду для проявления воинского стиля, но и условия. Стиль открыт для войны, для ее энергии. Воинский стиль живет энергией войны, даже вне ее рамок. И тот, кто выбирает его, должен быть готов к войне... К слову, именно на войне появляется возможность проявить свое «Я». «Я» на войне – это подвиг, «мы» – победа.

Сущность войны неизменна. Следовательно, неизменен и сам воинский стиль. Он может принимать лишь какие-то специфические формы, которые лишь кажутся «новыми» (черная рубашка – коричневая рубашка – бритый череп и т.д.), но сама система координат воина от этого не претерпевает фактически никаких изменений (если, разумеется, речь идет не о моде, позе, конъюнктуре).

Таким образом, все, что мы сказали о воинском стиле, вполне соотносится с тем, чем жило ультраправое движение в первой половине XX века. Незначительные, на наш взгляд, расхождения, которые могут возникнуть при углубленном анализе данного феномена, вряд ли способны заслонить от нас главное: воинский стиль был стержнем праворадикальных течений Европы, их внутренней движущей силой. Именно отсюда проистекала та безудержная мощь, которая вопреки всем доводам либерального разума оказалась жизненно-творческой, открывающей человеку новые горизонты бытия.

Все борцы белой Европы были крещены в купели воинского стиля, изнутри познали его суть, чтобы позже, не падая духом, строем уйти в вечность. Пусть их давно нет, но есть то, чем они жили – воинский стиль. И важно сохранить его.

д-р Альфред фон Фогельвейде

OCR & SpellCheck: Yavolod, 2007

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс

«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).